

МАСТЕРАМ И МОЛОДЫМ БОЙЦАМ БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ—ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ

ЯНКА КУПАЛА

Акад. И. И. ЗАМОТИН

В процессе развития белорусской советской литературы выделяются писатели старшего поколения — народные поэты БССР Я. Купала и Я. Колас...

Я. Купала как лирик отличается максимальной безыскусственностью в построении и в стилистическом оформлении своих произведений. Его лирические песни, очень разнообразные по ритму и строфике...

В сложном идеологическом пути поэта заслуживает самого внимательного изучения присущая творчеству Купала революционная демократичность, которая очень ярко выражена в сборнике «Жалейка» (1908 г.)...

Тут берет начало еще одна черта, характеризующая Купала, как большого мастера слова: это доступность и вместе с тем функциональность его произведений как материала для учебно-воспитательных целей. Его лирика и эпика, ясно и доступно отражающая действительность...

Настойчивой, упорной борьбой изжил Купала тяготеющий над ним в свое время националистический дурман. В высшей степени интересна и поучительна творческая перестройка поэта. Его решительный переход на позиции советского писателя полон глубокого значения.

Творчество Купала тесно связано с творчеством классиков других родственных литератур. Речь идет, конечно, не о подражаниях или заимствованиях, а именно об его общении и известной учебе у классиков, что несомненно способствовало повышению качества поэзии нашего народного поэта. Ранняя революционно-демократическая лирика Купала близка по своей природе Некрасову и Шевченко...

Я. Купала — большой мастер слова: его поэзия органически связана с фольклором крестьянской демократии, обстоятельство, ученое белорусской литературной критикой, но далеко еще не исследованное во всем своем значении. Фольклорные мотивы, народно-поэтическая образность и народная лексика окупаются в творчестве белорусского народного поэта от первого его стихотворения «Мужик» (1905 г.) вплоть до поэмы «Над ракою Аравай» (1933 г.)...

Наконец, Купалу характеризуют как образцового художника слова, его переводы из Некрасова, Шевченко, А. Милкевича, из индийской «Махабхараты» и т. д.

В период буржуазно-националистических уклонов и ошибок в некоторых произведениях Купала преломлялся фольклорный материал в плане реакционной романтики. Но в основном фольклор остался для него источником, который питал его веру в лучшую долю веками угнетенного трудового белорусского народа. Успехи и победы социалистического строительства были мощным стимулом перестройки поэта. Он сумел преодолеть буржуазный национализм и вплотную подойти к великим задачам пролетарской революции.

Творчество Я. Купала должно быть всесторонне и глубоко изучено. В настоящее время Институт ЛИМ Белорусской академии наук работает над академическим изданием произведений Купала, где должны быть представлены его произведения с возможной полнотой, с учетом и тех вариантов, которые проливают свет на процесс его творческой работы. Надо думать, что осуществление этого издания (в чем, вероятно, не откажет помочь своими указаниями и материалами сам поэт) еще более глубоко и убедительно откроет высокое качество творчества Купала.

ЯНКА КУПАЛА

ПОЛЕСЬЕ П. БРОВКА

Озеро глубокое, как память, От воды выскочит синий дым, И дубы широкими ветвями Махнут как заложеным в дым...

Над волной бормочет наговор, Но вернуть былую славу нечем, Опалдут крылья древних чар — И в окно, едва наступит вечер, Хлынет электрический пожар...

Перевел с белорусского С. ЛЕВМАН.

ЯКУБ КОЛАС

Народный поэт Белорусской республики Я. Колас начал свою литературную деятельность в 1906 г. Его тридцатилетний писательский путь — от первых поэтических опытов до высоких художественных достижений наших дней...

Победы пролетарской революции, успешное окончание гражданской войны и переход к социалистическому строительству — все это не могло не оказать сильного воздействия на сознание поэта. Вслед за пересмотром идейных позиций поэта наступил перелом. Начало этого перелома относится к 1925—1927 гг., когда Я. Колас выступил с произведением, в котором им давались первые попытки переключиться на новую тематику и отойти от буржуазно-националистических установок...

Лирика Коласа дает широкий охват советской действительности. Новому содержанию органически соответствует и форма средства художественной выразительности.

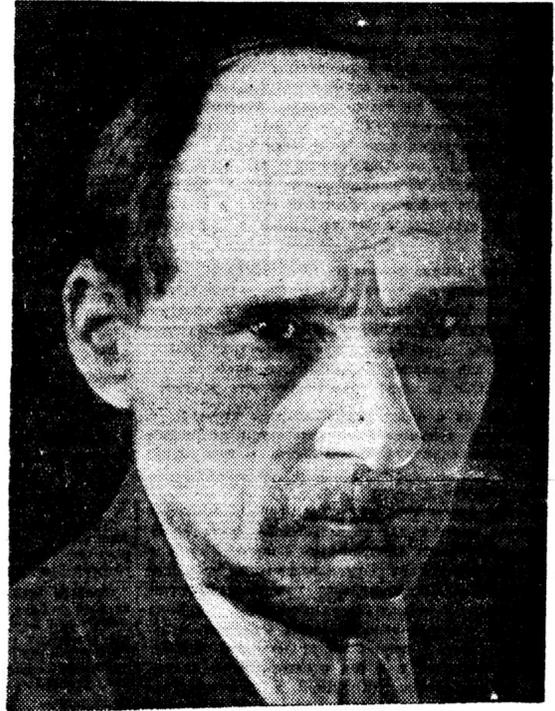
Мононое наступление социализма и огромные успехи социалистической индустриализации и коллективизации закрепили перелом в сознании поэта. Широкий и правдивый показ нашей действительности с позиций пролетариата, идейное и художественное перевооружение — вот результат напряженной работы поэта над собой.

В поэме «На шляхах воли» Колас развернул с позиций советского писателя показ и оценку исторических событий накануне Октябрьской революции и тут же, в лирических отступлениях, отразил процесс своей творческой перестройки. В повести «Алчашанец» Колас, прежний сторонник хуторского хозяйства, решительно становится на сторону коллективного сельского хозяйства.

Результаты этой перестройки блестяще сказались на творчестве Коласа последующих лет. Помимо лирики...

Наиболее высоким художественным достижением Коласа за последние время является его повесть «Дрыгва». Развернувшись здесь широко полотно на историю революционного партизанского движения на Полесье во время белорусской оккупации, Колас дал ряд незабываемых волнующих образов партизана и красноармейцев, ярких сцен, драматических эпизодов, пейзажей.

И. ОРЛОВ.

ЯКУБ КОЛАС

Поэзия советской Белоруссии после съезда

Я. БРОНШТЕЙН

Известна крылатая строфа Бориса Пастернака о «вакансии поэта», которая-де «опадала, если не поэта» в наши дни, «а дни великого совета».

Это скептическое предсказание, опровергнутое практикой всей нашей советской поэзии, оказалось с неменьшей силой опровергнутым практикой литературы национальных республик.

Благодаря ряду сложившихся исторических обстоятельств (в значительной мере благодаря огромной роли песенного фольклорного наследия в формировании литературы ранее угнетенных народов), именно в литературе национальных республик поэтический участок литературного фронта более чем в других жанрах оказался плацдармом решающих литературно-политических боев и наиболее острых стилистических исканий.

Некоторые литературные критики, в частности Т. Мирский, заговорили в последнее время даже об органическом возмездии националистической поэзии на русские советские поэты. Это суждение, не лишнее оснований, необходимо, однако, обосновать от весьма рискованной мотивировки, выдвинутой Т. Мирским в «Известиях» (№ 24—1936 г.).

Указав на то, что «наличие творчески очень сильное декадентство в прошлом русской поэзии продолжает распространять свою тень и на советскую русскую поэзию», без основания превращая «хроную» функцию этой тени прошлого, тов. Мирский видит преимущество советской поэзии ряда народов СССР (в частности, грузинской поэзии) в ее плане развития, в том, что в этих литературах, якобы не знавших загнивания, поэзия пришла к своему Октябрю без боя, без «тени» реакционно-декадентского прошлого.

В советской поэзии Белоруссии, где национализм годами набил себе руку на ястре крадеными картами «народности», проблема народной поэзии стояла и стоит до сих пор очень остро.

Надемы сдвигали народность поэзии к левшему кулакам стилизации фольклора, к идеализации белорусского средневекового и романтического деревенского «благодатия» по сенсационно-клевоскому рецепту.

Падает рыхлыми драконами, У порога в дедке крас, Над нечужими точеными Тараканы летят в паз.

Однако, «Ваньки и Степки, с разбитыми рылами и сянками под соколиными очами (Вельянский) — наряд да могли прирать белорусским англоном советско-клевоской поэзии обилие подлинной народности.

Весьма ценные и живописные мемуары («сэмонтим») образ «перекладывание тяжелой бесмысленного образа с места на место», как метко выразился Тихоненко) наряд да могли импортировать своим «новаторством» Крупная победа поэзии Советской Белоруссии за период после Всесоюзного съезда писателей, в первую очередь, заключается в успешном преодолении националистической и деревенско-отрапачившей левяноградности в поэзии, в преодолении советско-клевоского англоном.

В этих балладах и песнях Купала продолжает лучшие традиции некрасовской и шевченковской народной поэзии. Прекрасный творческий белорусский народный творчество, лирик с большой песенной эстетикой. Купала нарочито «опропачет» свой стих, освобождает его от метафорических побрякушек и смело заполняет старинные мелодии новыми словами (Горький). В отличие от националистического левяноградного фольклорного стилизаторства Купала в лучших своих последних стихах («Смыли», «Гости», «Лён», «Алеся», «Партизаны» и многие др.) не оперирует фольклором как архаизмом, но как творец как своеобразный поэтический «старатель», разрабатывавший неискаемую золотосую жилу живого народного творчества. Обилие этих купаловских песен и баллад в том, что поэт не «обяряет» фольклор, а является поэтически своеобразным художественным скакителем и песенником без эстетской установки на «социальность приема».

Воплощение поэзии в песенной эстетике, против антинародного распада поэтических сверхчеловеков — за народную в лучшем смысле этого слова поэзию.

В советской поэзии Белоруссии, где национализм годами набил себе руку на ястре крадеными картами «народности», проблема народной поэзии стояла и стоит до сих пор очень остро.

Надемы сдвигали народность поэзии к левшему кулакам стилизации фольклора, к идеализации белорусского средневекового и романтического деревенского «благодатия» по сенсационно-клевоскому рецепту.

Падает рыхлыми драконами, У порога в дедке крас, Над нечужими точеными Тараканы летят в паз.

Однако, «Ваньки и Степки, с разбитыми рылами и сянками под соколиными очами (Вельянский) — наряд да могли прирать белорусским англоном советско-клевоской поэзии обилие подлинной народности.

Весьма ценные и живописные мемуары («сэмонтим») образ «перекладывание тяжелой бесмысленного образа с места на место», как метко выразился Тихоненко) наряд да могли импортировать своим «новаторством» Крупная победа поэзии Советской Белоруссии за период после Всесоюзного съезда писателей, в первую очередь, заключается в успешном преодолении националистической и деревенско-отрапачившей левяноградности в поэзии, в преодолении советско-клевоского англоном.

В этих балладах и песнях Купала продолжает лучшие традиции некрасовской и шевченковской народной поэзии. Прекрасный творческий белорусский народный творчество, лирик с большой песенной эстетикой. Купала нарочито «опропачет» свой стих, освобождает его от метафорических побрякушек и смело заполняет старинные мелодии новыми словами (Горький). В отличие от националистического левяноградного фольклорного стилизаторства Купала в лучших своих последних стихах («Смыли», «Гости», «Лён», «Алеся», «Партизаны» и многие др.) не оперирует фольклором как архаизмом, но как творец как своеобразный поэтический «старатель», разрабатывавший неискаемую золотосую жилу живого народного творчества. Обилие этих купаловских песен и баллад в том, что поэт не «обяряет» фольклор, а является поэтически своеобразным художественным скакителем и песенником без эстетской установки на «социальность приема».

Воплощение поэзии в песенной эстетике, против антинародного распада поэтических сверхчеловеков — за народную в лучшем смысле этого слова поэзию.

В советской поэзии Белоруссии, где национализм годами набил себе руку на ястре крадеными картами «народности», проблема народной поэзии стояла и стоит до сих пор очень остро.

Надемы сдвигали народность поэзии к левшему кулакам стилизации фольклора, к идеализации белорусского средневекового и романтического деревенского «благодатия» по сенсационно-клевоскому рецепту.

Падает рыхлыми драконами, У порога в дедке крас, Над нечужими точеными Тараканы летят в паз.

Однако, «Ваньки и Степки, с разбитыми рылами и сянками под соколиными очами (Вельянский) — наряд да могли прирать белорусским англоном советско-клевоской поэзии обилие подлинной народности.

Весьма ценные и живописные мемуары («сэмонтим») образ «перекладывание тяжелой бесмысленного образа с места на место», как метко выразился Тихоненко) наряд да могли импортировать своим «новаторством» Крупная победа поэзии Советской Белоруссии за период после Всесоюзного съезда писателей, в первую очередь, заключается в успешном преодолении националистической и деревенско-отрапачившей левяноградности в поэзии, в преодолении советско-клевоского англоном.

В этих балладах и песнях Купала продолжает лучшие традиции некрасовской и шевченковской народной поэзии. Прекрасный творческий белорусский народный творчество, лирик с большой песенной эстетикой. Купала нарочито «опропачет» свой стих, освобождает его от метафорических побрякушек и смело заполняет старинные мелодии новыми словами (Горький). В отличие от националистического левяноградного фольклорного стилизаторства Купала в лучших своих последних стихах («Смыли», «Гости», «Лён», «Алеся», «Партизаны» и многие др.) не оперирует фольклором как архаизмом, но как творец как своеобразный поэтический «старатель», разрабатывавший неискаемую золотосую жилу живого народного творчества. Обилие этих купаловских песен и баллад в том, что поэт не «обяряет» фольклор, а является поэтически своеобразным художественным скакителем и песенником без эстетской установки на «социальность приема».

бота по созданию советской политической поэзии — жанр совершенно новый в белорусской поэзии. Таковы также многие его последние баллады и стихи.

В них — дыхание настоящего (не сусального) живого белорусского народа, заигнувшего в колхозе широко и весело («Вечерники»), ставшие часным стоищем на границе («Полночная весна»), любовно-вспоминающего великие героические дела и дни гражданской войны («Ночь в разведке»).

Интересна работа Пятруся Бровка — поэта с яркой поэтической индивидуальностью. Лучшие его произведения последнего времени — «Через горы и степи», «1914», «Байрак Степан», «Братья» и др. обязаны своим успехом суровому духу народного героического эпоса, которым веет от них. Простое-сатирическая интонация в одних стихах, патетическая, даже одическая в других, не снимает простоты этического повествования. Лишь порой поэт перекладывает крикливою перекладку героический (ряд разделов) из поэмы «Так начиналась молодость». У всех трех поэтов — борьба против левяноградного фольклорного стилизаторства означала также борьбу за форму, доступную миллионам, за живой язык народных масс, за смысловую дисциплину стиха.

Последнее не всем дано. Интересные попытки молодого талантливого поэта А. Кудасова создать эпопею классовой борьбы в деревне (поэма «Горбу») страдают малерностью при оперировании фольклором, вычужеством аллюзорических образов и смутной идейной установкой.

Кое у кого работа над песней является обычным меланхолическим романсом по «Матросика», который «судит» о дружбе (стих Зыночка — «Веточка»). У других народность передко сводится к архаизации поэтического лексикона (Халыка).

Аналогичная борьба против левяноградных стилизаторов нашла также в еврейской поэзии Белоруссии (наиболее крупный отряд поэтов среди национальных меньшинств БССР). Здесь первое место принадлежит Харьку — поэму да крупнейших еврейских поэтов Советского Союза из лучших авторов еврейского народного творчества — прекрасным знаток быта еврейских трудящихся. В ряде стихов произведений («Минские боло-

та», «Крутые недели» и др.) Харьк давно уже обнаружил мастерское умение работать над фольклором. Оружием острой пародии Харьк «развонивает» еврейских националистических стилизаторов фольклора, одновременно давая яркие образцы истинно-народной поэзии.

Последняя поэма Харька «На чужом берегу» — крупнейшее достижение Харька в этой области. Образ народного певца, служивший в течение многих лет объектом националистической, фольклорной, левяноградной стилизации, претерпел перед читателем во всей его трагической реальности. Одноименно, Харьк удачно разработает современный советский фольклор и подлинно-народный героический эпос гражданской войны и социалистического строительства.

Такой к большой простоте стиха следует объяснить то, что, подобно А. Александровичу, Харьк в млелетнее время ищет путей к детскому читателю — наиболее непосредственному читателю. Весьма удачно в этом жанре его поэма «От полуса к полюсу», посвященная героине Беломорстроя.

В борьбе против советско-клевоского эпигонства, в его левяноградном варианте, огромную роль сыграла учеба лучших белорусских поэтов у Маяковского — лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи (Сталки).

Литрическому «сэморубиванию» по легкой козе (Восняк) лучшие поэты Белоруссии противопоставили мощную лирику Маяковского.

Четко, Маяковский, так непосредственно противопоставивший себя «сенсационному провозвату», оказался мощным союзником советской поэзии Белоруссии в борьбе против националистической кулацкой лирики. На смерть перекладываемого нитаском Маяковского белорусские националисты стали противопоставлять «глубокую лирическую поэзию» «революционным одам» Маяковского. С другой стороны, те же белорусские националисты нередко пытались, присосбливаясь, вполне подражая Маяковскому, дискредитировать политическую лирику крикливой левяноградной.

Андрей Александрович Бровка, частично Глеба — в белорусской и Иван Харьк — в еврейской поэзии

одними из первых подняли в Белоруссии знамя восстания против равнодушной, камерной лирики, против вырождавшихся националистических романсов.

Лучшими стихами Александровича последнего времени являются именно его политические стихи «Стена бесстрашных» и др. — стихи высокой патетической напряженности и большой лирической теплоты. Таковы также лучшие лирические стихи Харька последнего времени («Рот фронту», «Говоришь, я жив», «Выше Марса», «Карина Васильевна» и др.) — преодолевая риторический холмик, П. Глеба — поэт аналитичной культуры стиха — написал в последние время ряд заманчивых стихов. Значительный интерес в этом контексте представляет последняя книга лирики Александровича (И снова — «стихи») лирика к лирике социального диспанса сохранил, однако, свою культуру интимной лирики (Светлова), поднимая и этот «крикливый» жанр заглазом советской лирики.

С большими трудностями идет процесс перестройки левяноградного «хрутого» жанра — белорусского лирика В. Халыки.

Груз национальной ограниченности и советской поэтики, идейная сумятица и «полное чувство» дают на этого поэта и в его последние книги стихов «Радостные будни».

Разумеется, перечисленные явления не исчерпывают собой всего богатства содержания литературной жизни Сов. Белоруссии. Народная поэзия Белоруссии, народная поэзия республики Якуб Колас, работавшая в последние годы над прозой, вернулась к поэзии и работает сейчас над крупным этическим полотно — «На путях воли». Значительный интерес представляет еврейский поэт М. Кулябак, тоже работавший в последние время над прозой («Вельяночье», лт. II).

Молодая советская поэзия Белоруссии, прощаящая суровую культуру борьбы под руководством КП(б)У, заняла почетное место в рядах советской поэзии Союза. Она достойна внимательного изучения.

НОВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ УСПЕХИ

Белорусская советская драматургия демонстрирует свои успехи новыми произведениями, написанными в 1935 г. и частично уже поставленными на сцене белорусских театров.

«Сержант Дроб» Эдуарда Самуилевича, «Великодушные» Головинера, «Симфония гнева» В. Шапалевича, «Человек решает» В. Курдина, «Юрий Рязанер» Глазирова, «На купале» Чарота, «Бойтра» — М. Кульбака, «Сваты» Ильи Гурского — вот неполный список новых пьес, увидевших в этом году свет лампы.

Расширился круг тем, войнчают новые жанры, полнокровнее становятся образы.

Тема пролетарского интернационализма занимает преобладающее место в новых произведениях. Эта тема развивается в трагедии «Великодушные», посвященной Парижской коммуны, в драме «Сержант Дроб», отражающей героическую борьбу с фашизмом подпольной коммунистической партии одной из стран Запада. В Шапалевича в «Симфонии гнева», показывая процесс революционизирования задатой художественной интеллигенции, развивает тему пролетарского интернационализма. На ту же тему драматург пишет новую пьесу — «Новый Прометей».

Тема обороны страны, героика гражданской войны — неоднократно разрабатывалась в белорусской драматургии таким талантливым автором, как Курдин, драматургом Станиславским. К этой же теме возвращается в пьесе «Юрий Рязанер» драматург Глазирин. Пьеса рисует героическую борьбу комсомольцев в тылу у белых, Курдин автор обобщенных пьес «Междубурье» и «Контрактас» — в пьесе «Человек решает» разрабатывает новую для него тему — тему заботливости, любовного отношения к кадрам социалистической стройки.

Пьесы «Ракет» Голубка и «Сваты» Гурского написаны на тему классовой борьбы в совхозе. Расширяя тематику своих произведений, белорусские драматурги овладевают в то же время и новыми жанрами. Публицистическая и хроникальная драма, которая в течение многих лет являлась основным жанром нашей драматургии, обогащается поисками в области создания революционной трагедии («Великодушные»), бытовой комедии («Сваты»), героико-романтической драмы («Сержант Дроб», «Юрий Рязанер», «Симфония гнева»). Схематизм, композиционная рыхлость, обилие разрозненных эпизодов в драматических произведениях сменяются сюжетной напряженностью, ясностью, динамичностью диалога, более рельефным изображением характеров. Голос драматургов становится более страстным, мобилирует мысль и эмоции зрителей вокруг актуальнейших проблем социалистической стройки и международной революции.

Процесс обогащения образной системы белорусской драматургии интенсивен; он выразился в борьбе за создание положительного героя.

Большое значение в развитии белорусской драматургии приобретает работа, начиная с индустриализации ЦС ЦК(б) и лично тов. Сталина, по созданию драматических произведений, насыщенных белорусским фольклором. Переработка бытовой музыкальной драмы «На купале» и работа над либретто для первой белорусской оригинальной оперы на этом материале (этой работой занят Михась Чарот совместно с театром) является началом большой работы белорусских драматургов, целью которой — использовать богатейшее устное народное творчество.

Улучшается и язык пьес. Преодолевав остатки националистического ограниченности в языке, драматурги по серьезному начали работать над использованием фольклора, народных поговорок, пословиц и т. д., обогащая речевую культуру героев драматических произведений. Среди новых произведений выгодно выделяется в этом смысле комедия «Сваты», где на основе фольклора автор построил живой, динамичный диалог.

Значительный творческий рост белорусской советской драматургии обильно демонстрирует предельно отделившиеся сны и неудачи, которыми был отмечен 1935 год.

Драматурги БССР упорно работают над созданием новых произведений к 20-летию Октябрьской революции. Этим работой заняты 25 писателей. Круг тем, над которыми ведется работа, широк и интересен. Героика гражданской войны, партизанского движения в Белоруссии, разоблачение контрреволюционной интервенционистской роли белорусских буржуазных националистов, показ лучших людей нашей страны, рождение нового строя мысли и чувств в процессе преодоления пережитков капитализма в сознании людей, проблемы пролетарского интернационализма — вот что волнует белорусских драматургов.

Можно не сомневаться в том, что белорусская советская драматургия к 20-летию великой пролетарской революции придет к новым, еще большим творческим успехам.

М. МОДЕЛЬ.

А. АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯНКА КУПАЛА

ДОРОГИ

Дороги вы шоссевые,
Стаивые дороги,
Вы легкой опоясали
Степей простор широкий.

Через поля безбрежные,
Дремучие болота,
Через чащобы древние
Легли вы поволокой.

Вы никогда не дремлете,
С восхода до восхода
Автомашны катятся
И конная подвода.

И пешеходом весело:
Плечом к плечу и в ногу —
Колонны Красной армии
Выходят на дорогу.

Грузовики с товарами
Гремят в ночи бессонной,
И с письмами желанными
Шагают почтальоны.

Соединили с городом
Степей простор широкий.
Дороги вы шоссевые,
Счастливые дороги.

Из гнилы бездорожья,
От черных шей-уродов,
Вставай, орденосная,
В содружестве народов!

Перевал с белорусского
ОСИП КОЛЫЧЕВ

ЯКУБ КОЛАС

ЯНКЕ КУПАЛЕ

У К 30-летию его литературной деятельности

Вышел юноша когда-то
Из села, где рос ребенком.
Лес грустил в огне заката,
Кто-то пал в просторе звонком.

На полосках дали синей
Тени суаха мелькали,
Сумрак спускался по долине,
И густела тень в пещали.

Крест похурыл, символ мрачный,
Путь саначил, как могилу,
А мужик, босой, невзрачный,
Тамы скрбь была уныло.

Слушал юный песни горя,
Яви впитывал напевы,
Чтоб в глаза кровавой своры
Их вернуть словами гнева.

Он будил в народе сны,
Полной горстью сел зерна,
Чтоб побольше правды было
И поменьше — кривды черной.

И слалог он песни-были
Для улады, для утех
Тем, кого весь век давила
Их соломённые стрехи.

Как предвещье близкой
встряски,
Были песни эти колды,

Повторяли их подпашки
И девчата, и молодки.
Он разнес немало песен,
Ярких несен по проселкам;

Общий путь ему был тесен.
Как итти, не знал он толком.
Только буря грозным гимном,
Волей Ленина пропетым,
Заклубясь над фронтом дымящим,
Даль открыла пред поэтам.

Рухнул трюм, и все тирам
Этой бурей были сматы,
Между тем как день румяный
Слушал гневные раскаты.

День наш вышней — просторы,
Светлый путь к чудесной цели,
День наш — сказка, о которой
Только греанть люди смели.

По проселочным трясинам
Там путем идут герои,
Чтобы сделать мир единым,
Миром нового покоя.

Ной, невец наш, с новой силой,
Славь уход от бед постылых,
В честь отчины нашей миллой,
В честь орлов ширококрылых!

Перевал с белорусского
МАРН ТАРЛОВСКИЙ

НОВЫЕ СТИХИ АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Наиболее сильное из новых произведений Андрея Александровича — это стихотворение, посвященное памяти замечательного старинца Сергея Мироновича Кирова — «Стена бесстрашных». От других произведений белорусской поэзии это стихотворение отличается две черты: мужественный и суровый внутренний пафос, которым проникнута каждая его строка, и конкретный жизненный образ — источник этого пафоса.

Через поэтический образ, выражающий силу и величие Кирова, Александрович воплотил эту силу и величие в образе кремлевской стены — «Стена бесстрашных», призывающей прах трибуна-большевика. Глубокий пафос образа, конкретность поэтической детали все более становится организующими для творчества Александровича, и это определяет значительный творческий рост поэта за последние время, нашедший свое выражение в таких произведениях, как «Стена бесстрашных», «Голодое утро», «Ночь в разведке» и др.

Подобно тому как в стихотворении «Стена бесстрашных» образ кремлевской стены дает основной тон всему произведению, в стихотворении Александровича о враждебном мире фашизма голодое утро, встающее над городом, является обрацом, концентрированно выражающим голод, безработицу, весь ужас фашистского господства.

Значительной поэтической победой Андрея Александровича является также стихотворение «Ночь в разведке». В этом стихотворении К отмеченный уже чертам поэзии Александровича — «обильность еще одна важная и существенная черта — «глубоко восприимчивая, органически впитывающаяся в идейную ткань произведения. Главное в стихотворении «Ночь в разведке» — не в патетике (то название патетическое на произведение Александровича), а в поэтических деталях, рисующих образ Сергея Орджоникидзе, в локальных образах, помогающих созданию цельной картины боя.

Яркий пример глубокого проникновения в природу Александровича впервые дал в поэме «Портрет Александрича» на свое впечатление в поэме «Счастливая дорога». В новых стихах Александровича получают дальнейшее развитие и черты, свойственные его ранним стихотворениям — выразительность, ритмическое разнообразие, поэзия нового словесного материала. В этом отношении на Александровича, с одной стороны, поучительно вышло поэзия В. Маяковского, а с другой стороны — народное творчество.

Молодость, искренность характеризуют лучшие страницы более ранних поэм Александровича — «Хлебная зима» и «Ограниченная весна». Внутренний пафос, оптимистический образ, оригинальное восприятие природы, оригинальные поэтические приемы, переживающиеся с огромной силой, — все это является в его новых произведениях.

А. КУЧАР

К. ЧЕРНЫЙ

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

В сущности, третье поколение — поколение революционной эпохи — еще не показано в романе Кузьмы Чормого. Речь о нем пойдет, по-видимому, в последующих частях романа: маленькая Славя Тваричко, олицетворяющая это новое поколение, еще только готовится вступить в жизнь. Ее беззаботное детство окружено атмосферой любви. Но именно она, Славя, и ее поколение стоят в центре романа. В сущности, Славя — символ борьбы и лишения старших поколений.

Трагедия Михаила Тваричко, отца Славьи, состоит в том, что он никогда не знал детской беззаботности и никогда не мог смотреть на мир так открыто, доверчиво и спокойно, как смотрит Славя. Сын бедного белорусского крестьянина, он с детских лет узнал нужду, голод и тяжелый, непосильный труд батрака. В дни отрочества судьба обрушилась на него всеми ужасами войны и оккупации. Его утратил своего хозяина, кулака Скуратовича, но то была слепая ненависть голодного волочка. В глубине души он мечтал о том, чтобы самому стать таким же богатым человеком.

Когда у Тваричко родился Славя, он думает только о том, как бы заработать, чтобы обеспечить будущее ребенка. Во имя этой мечты он идет на преступление. Он танцует от всех, даже от собственной жены. Соси, со стонущими зубами сидит перед судом и молча страдает в тюрьме. На его месте ругаются выпущенный на свободу Михаил Тваричко, падает на большое строительство, здесь он находит свою бывшую жену и дочь, но ему ясно, что они в нем не нуждаются.

С кем ты здесь будешь? — спрашивает он у Славьи, узнав, что Соси уезжает в город учиться, и получает неожиданный ответ: — Со всеми. Тут же все. И Ирине здесь...

И тогда бывший батрак внезапно понимает, что новое советское общество сделало для его ребенка в тысячу раз больше, чем он, что Славя не нужен золотые монеты, украденные им у кулака.

Как бы дополнением к трагическому образу Михаила Тваричко является в романе колоритная и своеобразная фигура Бродячего порного. Этот тип ремесленника обрисован автором с большой теплотой. Он как бы оазис легкой иронической улыбки. Человек смиренный, боливый, не отличающийся особой хитростью, по-честный и отзывчивый, порный бродит по деревням и курортам, обмывает хозяев и рассказывает интересные истории. Сам он нищ.

Кузьма Чормый, Третье поколение. Роман. Белгосиздат, Минск, 1935 г.

хата его почти совсем развалилась, семья голодает. Впрочем, он не унывает и весьма доволен своей бродячей жизнью. Он сочувствует советской власти, но держится в стороне, боясь неожиданных нападений. После многих лет скитаний он возвращается домой и обнаруживает, что нет у него ни хаты, ни семьи, ничего на свете. Это на том самом месте, где отидилась две жалкие хатки, теперь разгорелось громадное строительство, а его бывший сосед кулацкая стал начальником строительства. Хитрый порный пытается исполнить зову старое друга, но скоро и ему самому становится ясно, что в такое время нельзя бездельничать. Он вспоминает о своей второй профессии и поступает каменщиком на стройку. И здесь, в среде рабочих, он находит то, чего не мог обрести всю жизнь: товарищескую заботу, внимание, участие.

Кузьме Чормому удалось дать в своем романе и образ новой женщины, которой до сих пор белорусская литература уделяла слишком мало внимания. Бывшая батрачка Славя, отца которой убил белое, уже подростком становится на путь борьбы с кулаками. Скоромно, но неуловимо идет она этому путем, без тени высокомерия обрывает старую жизнь, отрывается от мужа и прошлого, спокойно и самоотверженно воспринимает Савчу.

Точно эти три образа — Михаил, Зоя и бродячий порный — и закладываются в романе. Благодаря им получаются у автора фигуры большевиков — Назаровского и Нестеровича. Это — люди без преувеличений, искренние, их помыслы всегда слишком приземленные.

Следует отметить, что третья часть романа, самая важная и ценная по замыслу, менее удачна автору, чем первые две. Чувствуется тошнота, недоработанность некоторых эпизодов. Автор злоупотребляет метафорическими моментами (встреча Зои и Скуратовича, Михаила и Скуратовича) и длинными диалогами. Неудача контактов объясняется, однако, не только тем, что Кузьма Чормый не справился с многочисленными героями, но и в значительной степени тем, что и сам он недостаточно проник в душу некоторых своих персонажей.

Это герои, внутренний мир которых для него ясно, Кузьма Чормый показывает метастерки. Мягкий, ослепленный Михаил, боливый добрый порный — это люди на плоти и крови. Славя художественно обобщая писателя по-настоящему нам, как богат и насыщенный внутренний мир этих обычных людей, которые на наших глазах переживают второе рождение.

Такие молодые поэты, как В. Пивоваров, С. Шухевич, поэта У. Аглицей еще не вышли из периода творческих исканий. Пивоваров, так же, как и Зарничный, тяготеет к разговорно-литературному стилю. Но Зарничный самостоятелен и оригинален, у Пивоварова же и его поэтической манере, в стремлении говорить басом во что бы то ни стало чувствуется подражание Маяковскому. Эта поза и сдерживает творческое развитие молодого поэта. Ему нужно больше развивать свой творческий язык, искать свою органическую тему. Оттопавшим пунктом для него может быть такое сочетание неслухое его стихотворения, как «Мы — рабочие такелажники». Вместо того, чтобы разбавить над известным ему матерьялом, поэт разрабатывает частные случаи и мало связывает ему тему (хотя бы в стихах «Разговор с шведским мастером», «Голод и цивилизация»). Это приводит к ложной напыщенности и риторической фразе.

С. ЛЕВМАН

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ БЕЛОРУССИИ

Можно говорить уже о целой плеяде молодых белорусских поэтов. Но в настоящей статье мы ставим себе задачу — дать краткую характеристику некоторых представителей поэтической молодежи Белоруссии, уже выпустивших первые сборники своих стихов.

В первую очередь следует выделить многообещающего А. Кулешова, давшего несколько сборников: «За солнцем», «За песней», «Медь дождя», поэмы «Аммонит», «Горбуна». Кулешов уже прошел начальный период творческих исканий и обнаружил оригинальное поэтическое дарование. В поисках своего голоса поэт время от времени находит манерности и оригинальности (в особенности в «Аммоните»), но впоследствии эта опасность им успешно преодолевается. Его новая поэма «Горбуна» дает основание говорить о Кулешове как о поэте, во многом уже нашедшем себя. Тематически его поэзия связана с колхозной деревней. Кулешов больше тяготеет к стилю эпическому. Природу поэт чувствует хорошо, но обычно, наивно пейзажем, стремится показать ее через отношение к ней человека, как объект человеческой практики:

Мгатаю яры, скакары
Гудзе і гудзе вядзельні, па
Па грэчках вільготных, па
хмарах

Пазнаю я аўстрашні даць.
(Іа поэм «Бригады».)
Кулешов набавіў штыль у
рэмніцкіх колах і а абразоваў
стиха. (Он берет конкретные
мотивы из жизни колхозной
деревни. Эти мотивы трактуются им
не общо, но абстрактно: в стихах
Кулешова они находят свою органическую форму выражения.
Все это сообщает его стилю своеобразную простоту и свежесть.)

Менее активны, но не менее оригинальны другой молодой поэт А. Зарничный. В его сборнике «Эпические фрагменты» доминирует индустриальная тема. Только несколько стихотворений посвящено гражданской войне и теме любви. Голос поэта мужествен и суров. В сборнике обнаруживается сильное тяготение к всеобщей, опущенной образности.

«Венер плыў
па чалавечай казне
— Паўтэня,
Шчаслівы
ад шырм
і моты
і рамчыкі і слесары,
спырканыя піганіем
пэка і пэка
да прамоўны»

Строй отрока у Зарничного по преимуществу разговорно-интонационный. Отсюда идет у него использование локального речевого ряда. Герои его всегда говорят своим особым языком.

Творческая индивидуальность Зарничного уже определялась и не него может выйти интересный поэт.

Такие молодые поэты, как В. Пивоваров, С. Шухевич, поэта У. Аглицей еще не вышли из периода творческих исканий. Пивоваров, так же, как и Зарничный, тяготеет к разговорно-литературному стилю. Но Зарничный самостоятелен и оригинален, у Пивоварова же и его поэтической манере, в стремлении говорить басом во что бы то ни стало чувствуется подражание Маяковскому. Эта поза и сдерживает творческое развитие молодого поэта. Ему нужно больше развивать свой творческий язык, искать свою органическую тему. Оттопавшим пунктом для него может быть такое сочетание неслухое его стихотворения, как «Мы — рабочие такелажники». Вместо того, чтобы разбавить над известным ему матерьялом, поэт разрабатывает частные случаи и мало связывает ему тему (хотя бы в стихах «Разговор с шведским мастером», «Голод и цивилизация»). Это приводит к ложной напыщенности и риторической фразе.

С. Шухевич также еще не нашел своей органической темы. Но у него меньше претензий, он восторженнее и проще. Лучше всего ему удаются стихи на конкретные, строго очерченные темы, как «Лесня пограничника», «Товарищу на Западню». В таких стихах у него абстрактность и риторика уступают место предметной образности. Нужно еще отметить, что Шухевич обнаруживает неплохие способности в жанре эпиграммы.

У Э. Аглицей преобладает политическая тема. Ее сборник «Мое поколение» почти целиком составлен из стихов на политические темы. Поэтесса умеет сообщить политическую тему личностное звучание, и это свидетельствует о том, что она могла бы писать и лирические стихи. Политические стихи ее пафосны и эмоциональны.

Есть грань, где пафосность может перейти в крикливость и претentiousность. У Э. Аглицей это ощущение этой грани, ей свойственна та внутренняя сдержанность, которая делает пафос естественным, органичным. Но молодой поэтессе следовало бы подумать о тематическом расширении своей поэзии. О том, что это не позволяет за собой снизить художественного качества ее стихов, может свидетельствовать так стихотворение сборника, как «Войне сине доминант» — о классовой борьбе в колхозе.

У Э. Аглицей преобладает политическая тема. Ее сборник «Мое поколение» почти целиком составлен из стихов на политические темы. Поэтесса умеет сообщить политическую тему личностное звучание, и это свидетельствует о том, что она могла бы писать и лирические стихи. Политические стихи ее пафосны и эмоциональны.

Есть грань, где пафосность может перейти в крикливость и претentiousность. У Э. Аглицей это ощущение этой грани, ей свойственна та внутренняя сдержанность, которая делает пафос естественным, органичным. Но молодой поэтессе следовало бы подумать о тематическом расширении своей поэзии. О том, что это не позволяет за собой снизить художественного качества ее стихов, может свидетельствовать так стихотворение сборника, как «Войне сине доминант» — о классовой борьбе в колхозе.

Н. ДМИТРИЕВ
Л. ШАРАХОВСКИЙ

ПРОЗА НА ПОДЕМЕ

Третий пленум писателей лучше представляет белорусскую советскую прозу встречая новыми книгами: Кузьма Чормый — романом «Третье поколение», Платон Галавач — романом «Сквозь годы», Змитрок Будзля — повестью «Фронт приближается».

Эти книги сразу привлекли к себе внимание широких читателей своим масс.

Наша критика, обычно малопопулярная, на этот раз ослепительно освещала. Некоторый разбой в откликах в данном случае свидетельствует об успехе прозы.

Идеяльная острота — качество, которое особенно отличает эти книги. Эта острота дает себя чувствовать и у Чормого, и у Будзля, и у Галавача, хотя художественные приемы этих авторов различны.

Кузьма Чормый, который наиболее остро и напряженно ведет свое повествование, не случайно использовал в своем романе цитату из Маркса: «Традиция всех мертвых поколений висит кошмаром над современным живым». В этом узел основных конфликтов, истоки сюжетной остроты названных книг.

На протяжении веков кошмаром висела над сознанием людей традиция эксплуататорских общественных формаций: власть земли, власть денег, власть закона борьбы за существование («все против всех»), ложь индивидуализма, ложь христианского «справдоскателства».

В романе Галавача «Сквозь годы» дан образ крестьянина-правдоискателя — Таренты Шкробата. Голыми искания Шкробата правду — «сту саму». Потребовались кровавые столкновения с господствующим строем и империалистической войной для того, чтобы явно-патристический бедняк убедился, что «справда» она в кулаке, а не в политике. Она была революция, владыка Шкробата велел, — обрывается его выжидательная установка — вот основная творческая установка во всех трех перечисленных книгах.

Но рождает этих писателей еще и острая идейная борьба против схематизма. Голосом своих литературных вкусов, коммунист Будзля («Сквозь годы») говорит: «Ты мне не говори, что подлинная стем фабрика-автомат», а покажи, как я сквозь щели в досках укрядкой погляжу, на много ли та стем поднялась за день. Покажи так, чтобы здесь у меня загорело».

В романе Галавача остро поставлена проблема социалистической передели трудового крестьянства. Вспомогательное средство Шкробата, Галавач ведет линию двоякого характера профессора Галавача, который является своеобразным двойником Шкробата, его «интеллектуальным близким».

В поэзии «Фронт приближается» Будзля ставит проблему передовости инициативы инициативы инициативы. Будзля ставит проблему передовости инициативы инициативы. Будзля ставит проблему передовости инициативы инициативы.

В романе Галавача остро поставлена проблема социалистической передели трудового крестьянства. Вспомогательное средство Шкробата, Галавач ведет линию двоякого характера профессора Галавача, который является своеобразным двойником Шкробата, его «интеллектуальным близким».

В поэзии «Фронт приближается» Будзля ставит проблему передовости инициативы инициативы. Будзля ставит проблему передовости инициативы инициативы. Будзля ставит проблему передовости инициативы инициативы.

В белорусской национальной прозе, в белорусской литературе. Белорусские национально-романтики на протяжении многих лет расписывали образ «счастливой красоти», рассматривая «счастью» как некую мистическую надклассовую движущую силу истории. Отсюда преобладавшие в наших «дуэдах», художников на национальной литературе — это явление, реалистический показ действительности — вот основная творческая установка во всех трех перечисленных книгах.

Но рождает этих писателей еще и острая идейная борьба против схематизма. Голосом своих литературных вкусов, коммунист Будзля («Сквозь годы») говорит: «Ты мне не говори, что подлинная стем фабрика-автомат», а покажи, как я сквозь щели в досках укрядкой погляжу, на много ли та стем поднялась за день. Покажи так, чтобы здесь у меня загорело».

В романе Галавача остро поставлена проблема социалистической передели трудового крестьянства. Вспомогательное средство Шкробата, Галавач ведет линию двоякого характера профессора Галавача, который является своеобразным двойником Шкробата, его «интеллектуальным близким».

РОДИНА ПОЭТОВ

ВЕРА ИНБЕР

Каждое новое понятие опера как бы восстает в воздухе. Оно еще неопределенно, еще разбито на части, но в какой-то определенной миг оно обрывается, сконцентрируется и вопиет полным броском. Это также неизбежно, как при наличии водных капель в воздухе — возникновение радуги. И когда вопишь, провозглашаешь, тогда новое понятие превращается в нечто конкретное. Вчера еще (казалось) его не было, а сегодня мы уже без него не можем. Оно нам необходимо. Так было с понятием «родина».

Русские деревенско-полевые поэты писали о родине, но ощущали ее неопределенно. Скорее всего она была им не родина, а родина их. Не земля, ее народы уходили в необозримую даль, расплывались, теряли очертания, теряли даже самое имя, и в полном титуле «самодержца» именовались: «и протая, и протая, и протая».

Таджикская, Азербайджанская Армения, чьи поэты намажидом у нас высшей наградой страны, орден Ленина, — все это тоже было «и протая, и протая». Только в горностаевских стихах, в стихах («на случай» русских поэтов восторгалась размерами своей родины. В обычных «бултыхных» стихах эти просторы путали. Своего рода «обновление пространства» сквозит в «Дорожных жалобах» Пушкина.

Долго ль мне гулять на свете, То в долине, то на холме, Какая тоска! Какое уныние! Версты, версты, шагалам, преселось дорожка и протая, и протая. Во имя же все это обиднее? Чему тут радоваться? Чем гордиться?

Когда Александр Блок попытается возобновить себе родину, то уже не боится, а уже охватил его. Как страшно его Русь.

Где ранозипные народы Из края в край, из доли в дол Ведут поэты хороходы Под заревом горящих сел.

«Да и такой, моя Россия, ты всех красавиц дороже мне!» — восклицает он в другом месте. И это звучит, как вопль.

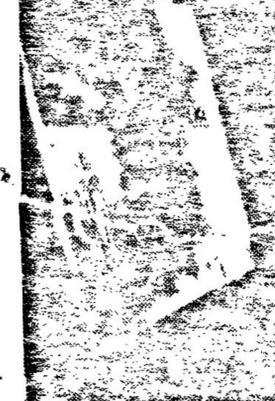
Это любовь к родине вопреки всему. Не «за то-либды» и «красоты» на нечего. Это мотив бесконечно варьируется в русской поэзии. Суженное националистическое ощущение родины застил глаза поэта. Родина «богая, но чужая. Мысли о ней теплыня».

На восходе солнца, на его закате Душаю лишь думы о родном народе.

И едва дорогой попадутся гуси, Жду от них приветов с милой Белоруси.

Вино молодой Ляля Кучала. А «милая Белоруси», по его же описаниям, такова, что от нее скимает сердце.

Нет, поэты самых разных национальностей не являлись горькими словами для родных мест.

Театр им. МДПС «Дело радвое Шибунина». Заслуженный артист В. В. Венин в роли Шибунина.

Весь этот край — громадная горюшка, Непроходимое гнилое дно, Двама богами прожитое грозою, Перуном и Исусом вадно, шипит эрзя Хария.

Чувство родины с особой силой возмывает в минуту опасности. От близости смерти. На пороге новой войны, ватанной парем... для чего? Не для того ли, чтобы еще одно «и протая» прибавилось в его титуле?

Прибыло их к земле, указом этим страшным, И каждому стал милым, своей хитрой дню, своей куст,— вышит в «Мобилизации» Петрусь Врокуа.

Но в этот же страшный час вместе с тем и перемещается понятие «родина». «Где уж там вера! Какая там родина!» — восклицает Сурков, описывая начало империалистической войны, когда в июльский день «спелым золотом истекли хлеба», «на полях выли солдатские жены» и воинский начальник произнес речь:

Русь — наша мать! Император — отец! Пуля—дура! Штык—молодец!

«Как кулак свое болото топчет», — горко гомекается старинная поговорка. И, действительно, что-то не было всякого рода было на Руси достаточно!

После революции старое понятие «родина» исчезло. Новое еще не появилось. Само это слово почало на поэтического лексикона.

«Трудно, трудно родину, потеряв, сыскать», — писала в одном из своих стихотворений 1924 года.

Мало-мало размыкается кольцо блокада вокруг нашего Союза. Советский гражданин перестает чувствовать себя изолированным от всего остального мира.

Пускай и в земную треть грездо звучит, хочу детель-осмотреть земля величия, — пишет Аосев. Но и «кулик» и «болото» мнятся здесь в ироническом раздвесе. Важны не они, а то, что пространство как таковое дестает индивидуализировать поэта.

Оно огромно, но именно потому огромно, что подготовит по-деловому. Сто дней топчии козем — не сласт пространство.

Пора говорить о нем не так пристрастно. Пора, даю пора!

Пространство вторгается в сознание поэта уже не темной ордой «мерзевых» верст, а тем, что можно на него выложить: полями, дорогами, городами. Пространства в его мистическом, таинственном понятии.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

манки («Умом Россию не понять, аршином общим не измерять») для нас уже не существует. Если не аршином, то метром можно (и нужно) все измерять и соотносить, что для чего.

Мистика уступает место хозяйскому отношению ко всем этим «полюсным» просторам. Все, все на «полюсы» страны: даже безводные пустыни, которые можно превратить в сады. Даже кости животных, пахнувшие запахами этих безводных пространств.

Подумайте только: желатин, бусы, Суперфосфат, набалдашник на трость, Клей и гребенки, муку и зубки Дают рога, копыта и кости.

(Сельвинский). Алло, Русь! Твой пастуший рожок

Мы вытруби в рог сабыль,— шипит дальше Сельвинский. И это уже новое, хозяйское отношение к пространству, которого не было до революции. Это уже осмысленное советское пространство, добытое поном и кровью.

Мир огромней, А в нем страна Такая, как наша, Только одна, — говорит Голубный. И это уже новая гордость тем, что страна так велика, что так свободно располагается на ней народы.

От моря Черного до грозных, ледяных степей, — возмывает еврейский поэт Флякберг. Пространство для него уже было осмысленно. Это не было и не могло быть до революции, особенно у еврейского поэта, обладающего «чертой оседлости».

Истории и национальные перегородки внутри страны. Это уже общинная дом.

Дом! Как это тепло и весомо! Дом! Давно ли я в этом селе? Где же ключок на советской земле, — пишет Безыменский.

Это уже чувство страны, но еще не чувство родины. То придет позднее. Но его ролик мы можем проследить уже в знаменитом «Советском паспорте» Маяковского, который случился из обладания «краснокожей паспортиной». В «скелетном» и «серпачном» советском паспорте заключено уже чувство гордости быть советским подданным.

Андре Жид, выступая на конгрессе защиты культуры в Париже, провозгласил сформулированную сущность старого, националистического, по-литического понятия «родина».

«Мы — нас много», — сказал Андре Жид — не можем признать, что любовь к родине рождается главным образом из нежности к другим отчужденным».

Мы, граждане Советской страны (и нас тоже много), мы знаем, как понять, что такое любовь к родной стране можно прийти в родную землю интернационалисту. И если бы мы нашу страну не только за ее величину, но за количество километров, а за новую жизнь, выходящую и осмыслившую все это пространство.

Чувство страны соарило у нас уже давно. Но это было еще не чувство родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

Что же мы, поэты, должны сделать для своей родины? Чем мы можем помочь нашей стране?

Скажем здесь словами Горького, попорными все тем же Андре Жидом в Париже: «Задана литература—помочь новому человеку, которого мы любим, освободиться от ложных образов, сложиться, установить себя». В данном случае мы, поэты, должны в художественных образах воздвигнуть в сознании своего читателя величественный и огромный образ новой, социалистической родины.

И вот в 33-м году, подвывая красными командиров-выпускников, Сталин произносит то, что является по ощущению уже всем. Он провозгласил слово «родина».

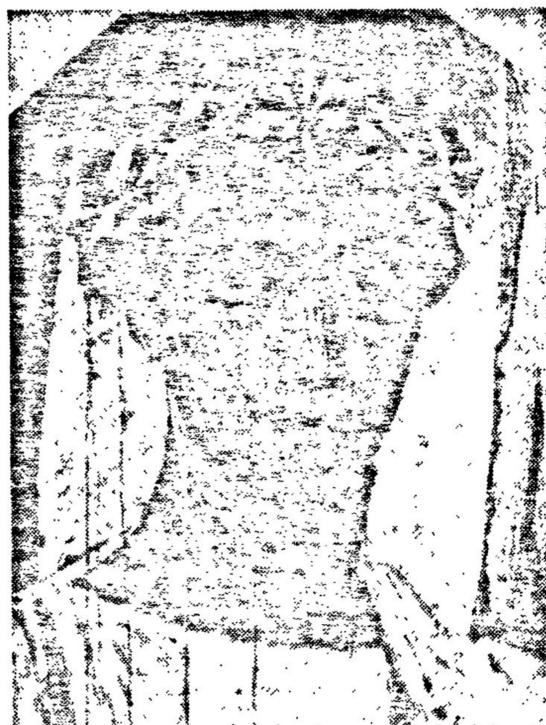

Иллюстрация на выходящей в свет книжке «Акварели» миниатюры Феликса Шибунина.

ПОЭТЫ, ЗАЩИЩАЙТЕ ПОЭЗИЮ!

К. ЧУКОВСКИЙ

Найдя замечательный способ писать агитационные стихи для детей без малейшего напряжения мозговых полушарий! Выдумав такой аппарат, который в одну минуту выщелачивает хоть тысячу стихов, выщелачивает революционной тематикой!

Был хозяин на заводе, Нас он в голоде держал. У него отец Володу За станком весь день дрожал.

Уж давно с того завода Богатей тот убежал. И теперь отец Володи Управляет заводом стал.

Завалив этого стихотворения — «В горле». Если же вам понадобится стихотворение «В деревне», пожалуйста, не тратьте лишних вложений. Все будет сделано механическим способом. Поверните в аппарате рычажок, и у вас получится те же стихи, но вместо «хозяина» будет «наследник», «барин», а вместо «завода» — «совхоз».

Битая деревня — был барин. Дом — дворняк, как рожа — сад. У него отец Евгении Холма дальных жеребят.

Уж давно динее тот барин Из деревни убежал. И теперь отец Евгении Управляет тем домом стал.

Оба стихика написаны рядом с «Букваре» Е. Фуртуговой и Шагера, который утвердил Наркомпросом для миллионов советских ребят (1933). После того как авторитетнейшие методисты одобрили этот механический способ изготовления агитационных стихов, вы можете без всякого стеснения фабриковать точно такие же стихи:

Жид да был домовладелец, За квартиры деньги драг. У него отец Еремы Нанима, сырой подвал.

Уж давным давно хозяин Того дома убежал, И теперь отец Еремы Управляет тем домом стал.

Механизация — великое дело. Ни ума, ни сердца не требуется: знай, верти машинку и выстукивай.

Можно в короткое время выщелачивать вагоны этих отравительных выщелачиваний. В Наркомпросе будут им совершенно довольны и обратят их для детского чтения. Потому что методологи тамошние до сих пор еще не в силах отличить хорошие стихи от уродливо-плохих. Стихи-воспитатели детей у них считаются правдой атеизма. Не существует до настоящего времени ни одного учебника, ни одной хрестоматии, составители которых обиделись бы хоть малейшую заботу о развитии стихотворного слуха детей, о подпитии их эстетическим вкусом. Видь, то что дети прочтут в букваре, они будут помнить до старости, эти стихи навсегда оставят отпечаток в их психике, зачем же мы в столь важный период их умственной жизни заставляем их читать такую мерзость? Десят лет тому назад я писал: «Никто из педагогов даже не поднял вопроса о том, что если дети обучаются пению, слушанию музыки, ритмической гимнастике и проч., то тем более необходимо обучить их восприятию стихов, потому что детям, когда они станут старше, предстоит получить огромное стихотворное наследство от Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Маяковского, Вайнера, Гете, Гюго. Но что сделают с этим наследством наследники, если их заблаговременно не научат им пользоваться?»

Слова эти были обращены к Наркомпросу, но там только пошумели над ними. Между тем, судьба всей нашей советской поэзии зависит в значительной степени от постановки ее изучения в школе. И наши поэты кровью заинтересованы в том, чтобы школа приговорила им достойных читателей, учителей, художественно развитых, восприимчивых. Пусть же на поэтическом слухе в Митке они громко поднимут свой голос в защиту советского школьника от тех коллеген, першавых, бездарных стихов, которыми питают его буквари, хрестоматии, учебники, утверждающие бюрократии школьного ведомства.

Д Мировой в статье «Советская поэзия». Он пишет, что требуется необходимость, которая идет через преодоление всех остатков декадентской поэзии. Он пишет, что только Пушкин, Маяковский, преодолеет все трудности и выйдет к народности. По моему же мнению, это положение без обсуждения всей нашей поэзии, всех форм поэтического творчества? Разговоры о простоте стиха, о классическом стихе — уже довольно давно происходят в поэтической среде. Они обсуждались и на всесоюзном съезде писателей. На поэтическом пленуме о проблеме народности и проблеме «железнодорожничества» стиха, я думаю, мы поговорим обстоятельно.

Никогда время не было так требовательно к стихам, никогда время не было так требовательно к стилям. О стиховых изменениях в последние годы говорили докладчики на нашей дискуссии. В докладчике в связи с этим не раз упоминалось имя Пушкина. Вспомнил, что мир, окружавший Пушкина, был дико беден.

Был огонь, ни черной таты, Глушь и снег... Новстречу мне Только версты полюсаты. Попадаются одни...

Пушкинскими годами жил в глуши, в провинции, в деревне. В деревне он ел щи и кашу, не с кем было поговорить. Пушкин писал: «Вотрачь я слугу, несущему мне утром ташку чаю».

Вопросами: тепло ли, утихла ли метель? Пороша есть вль нст? И можно ли постель? Покинуть для себя нль лучше до облада Возьмись с старыми журналами соеда...

...Тоска. Так день за днем идет в уединении.

Это была страшная тоска страны, где жила мертвые души. Как можем мы сравнивать окружающую поэту сейчас, с тем, что представлял мир, окружающий Пушкина? И сейчас невольно в часы сомнения приходит мысль — не перешли ли депрессивные психологические ощущения в такой план, что они являются стихом. Сравнения же как-то выщелачиваются с той, какую ощущает человек, свободно пишущий в облаках или вырывающийся над морем на подвздоном крыльце. Найдет ли стих ритм трудовой простоты, стих стихотворца? Сможет ли передать нафос земско-крестьянского вношения? Разговоры о простоте стиха, о классическом стихе — уже довольно давно происходят в поэтической среде. Они обсуждались и на всесоюзном съезде писателей. На поэтическом пленуме о проблеме народности и проблеме «железнодорожничества» стиха, я думаю, мы поговорим обстоятельно.

Никогда время не было так требовательно к стихам, никогда время не было так требовательно к стилям. О стиховых изменениях в последние годы говорили докладчики на нашей дискуссии. В докладчике в связи с этим не раз упоминалось имя Пушкина. Вспомнил, что мир, окружавший Пушкина, был дико беден.

Был огонь, ни черной таты, Глушь и снег... Новстречу мне Только версты полюсаты. Попадаются одни...

Пушкинскими годами жил в глуши, в провинции, в деревне. В деревне он ел щи и кашу, не с кем было поговорить. Пушкин писал: «Вотрачь я слугу, несущему мне утром ташку чаю».

Вопросами: тепло ли, утихла ли метель? Пороша есть вль нст? И можно ли постель? Покинуть для себя нль лучше до облада Возьмись с старыми журналами соеда...

...Тоска. Так день за днем идет в уединении.

Это была страшная тоска страны, где жила мертвые души. Как можем мы сравнивать окружающую поэту сейчас, с тем, что представлял мир, окружающий Пушкина? И сейчас невольно в часы сомнения приходит мысль — не перешли ли депрессивные психологические ощущения в такой план, что они являются стихом. Сравнения же как-то выщелачиваются с той, какую ощущает человек, свободно пишущий в облаках или вырывающийся над морем на подвздоном крыльце. Найдет ли стих ритм трудовой простоты, стих стихотворца? Сможет ли передать нафос земско-крестьянского вношения? Разговоры о простоте стиха, о классическом стихе — уже довольно давно происходят в поэтической среде. Они обсуждались и на всесоюзном съезде писателей. На поэтическом пленуме о проблеме народности и проблеме «железнодорожничества» стиха, я думаю, мы поговорим обстоятельно.

Никогда время не было так требовательно к стихам, никогда время не было так требовательно к стилям. О стиховых изменениях в последние годы говорили докладчики на нашей дискуссии. В докладчике в связи с этим не раз упоминалось имя Пушкина. Вспомнил, что мир, окружавший Пушкина, был дико беден.

Был огонь, ни черной таты, Глушь и снег... Новстречу мне Только версты полюсаты. Попадаются одни...

Пушкинскими годами жил в глуши, в провинции, в деревне. В деревне он ел щи и кашу, не с кем было поговорить. Пушкин писал: «Вотрачь я слугу, несущему мне утром ташку чаю».

Вопросами: тепло ли, утихла ли метель? Пороша есть вль нст? И можно ли постель? Покинуть для себя нль лучше до облада Возьмись с старыми журналами соеда...

...Тоска. Так день за днем идет в уединении.

Это была страшная тоска страны, где жила мертвые души. Как можем мы сравнивать окружающую поэту сейчас, с тем, что представлял мир, окружающий Пушкина? И сейчас невольно в часы сомнения приходит мысль — не перешли ли депрессивные психологические ощущения в такой план, что они являются стихом. Сравнения же как-то выщелачиваются с той, какую ощущает человек, свободно пишущий в облаках или вырывающийся над морем на подвздоном крыльце. Найдет ли стих ритм трудовой простоты, стих стихотворца? Сможет ли передать нафос земско-крестьянского вношения? Разговоры о простоте стиха, о классическом стихе — уже довольно давно происходят в поэтической среде. Они обсуждались и на всесоюзном съезде писателей. На поэтическом пленуме о проблеме народности и проблеме «железнодорожничества» стиха, я думаю, мы поговорим обстоятельно.

Никогда время не было так требовательно к стихам, никогда время не было так требовательно к стилям. О стиховых изменениях в последние годы говорили докладчики на нашей дискуссии. В докладчике в связи с этим не раз упоминалось имя Пушкина. Вспомнил, что мир, окружавший Пушкина, был дико беден.

Был огонь, ни черной таты, Глушь и снег... Новстречу мне Только версты полюсаты. Попадаются одни...

«Мольер» в МХАТ

11 февраля в филляле МХАТ СССР им. Горького будет показана премьера пьесы М. Булгакова «Мольер» в постановке Н. Горькова.

Перед пленумом ССП

На многих предприятиях проведена большая подготовительная работа к открывающемуся сегодня пленуму союза советских писателей. На заводе им. Кирова были организованы собрания в цехах, где обсуждались задачи, стоящие перед пленумом. 3 февраля состоялся общезаводской литературный вечер, прошедший с большим успехом. В дни пленума намечена встреча писателей с лучшими стахановцами завода.

На заводе им. Ворошилова организованы в пленум два выставочных творческих народа (на самом заводе и в клубе). Во всех цехах вывешены рекомендательные списки произведений советских писателей.

3 февраля состоялся литературный вечер в квартире стахановца — Кривошеина. Собирались на вечер стахановцы и ударники завода им. Ворошилова обсуждали творчество Янки Купалы «Над рекой Оршой».

Также же вечера были проведены в квартире стахановцев Гурюновича, Ковалева и др. где были обсуждены «Цусима» Новикова-Прибоя, «Поднятая палатка» Шолохова и ряд других лучших произведений советской литературы. 8 февраля в клубе завода состоялся большой литературный вечер. С докладом о задачах пленума выступил председатель ССП Белоруссии Т. Кавыкович.

Все цеха завода украшены плакатами и лозунгами. Во время обеденного перерыва читаются и обсуждаются отрывки из романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

Пленуму будет посвящен специальный номер многотиражки «Ворошиловец».

Большая подготовительная работа к пленуму проведена на заводе им. Молотова, на фабриках им. Катышева, Куйбышева, Крупской, «8 марта». Здесь успешно готовятся к предстоящим встречам с делегатами пленума. Чрезвычайно похвально инициатива художественной литературы. Составлены специальные собрания, посвященные обсуждению романов Алексея «Я люблю», Н. Островского «Как закалялась сталь», произведений белорусских, грузинских и украинских поэтов.

Некоторые предприятия готовят подарки для участников Пленума. Лучшие спецаппаратчики завода «Молотов» делаютменные шахматные комплекты, фабрика им. Куйбышева — портфели высшего качества, и т. д.

В ближайшие дни будет проведено 10 бесед по вопросам художественной литературы на квартирах стахановцев фабрики им. Катышева. С докладом о задачах пленума выступил вчера на общем собрании работ фабрики им. Крупской поэт И. Харик.

Готовятся и Белорусию и другие организации. Белорусию проведомострирует перед делегатами пленума ряд картин своего творчества: «Лесная баня», «Дважды рожденные», «Первый завод» и др. Белорусская кинофабрика выкупила к пленуму 250 фотографий, отражающих историю старого и нового Минска. Альбомы будут представлены делегатам пленума.

Специальную выставку организует союз советских художников Белоруссии. В выставку примут участие около 40 художников, которые выставят 70 картин.

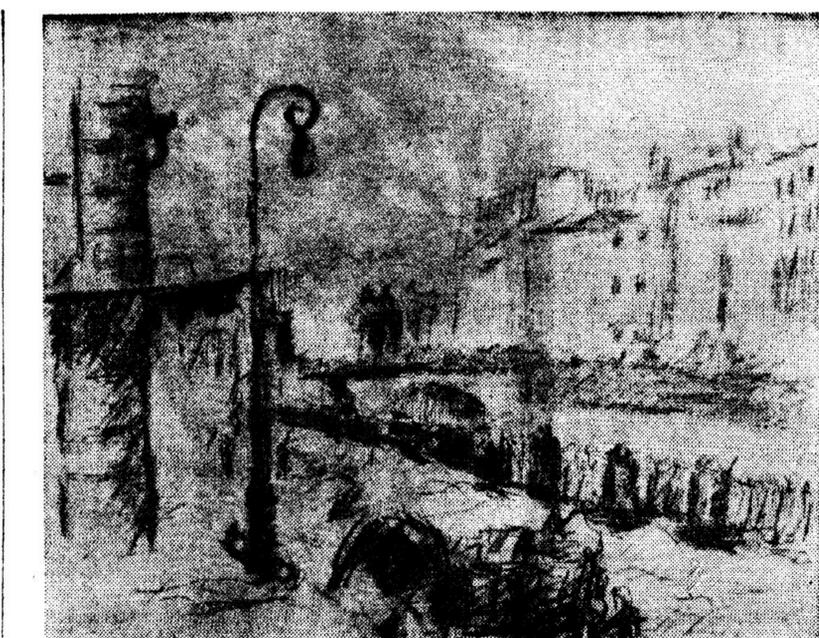
Выставка, посвященная культуре советской Башкирии, открывается в Государственной библиотеке им. Ленина.

МОСКВА (наш корр.) Вчера в Минск на пленум выехали специальным поездом москвички, Ленинградская и башкирская делегация писателей в количестве 160 человек. Всего в работах пленума будут участвовать 250 делегатов.

В Минск выехали из Москвы ответственные секретари ССП СССР Т. А. Шерокова и В. Ставский, писатели А. Афиногенов, В. Харин, Н. Асеев, В. Бахметьев, А. Безмясников, В. Вишневский, В. Ильяш, В. Катаев, В. Кирпичников, А. Караванов, И. Липунов, А. Новиков-Прибой, Б. Пастернак, В. Пильняк, Н. Погодин, председатель ЦС Осоавиахим Р. Эйдемани и другие.

Из Ленинграда едут Н. Тихонов, А. Прокофьев, Б. Корнилов, В. Шанков, К. Федик.

В составе башкирской делегации — председатель ССП Башкирии и председатель ЦК ВЛКСМ Абрам Таиров и писатели Итемгулов, Давытшина и др.

В Москве ознакомились с успехом польского юбилейного выставку художника А. Фомкина. Мы помещаем рисунок из цикла «Ленинград».

ГОСИЗДАТ БЕЛОРУССКИЙ

— Никогда еще государственное издательство Белоруссии не издавало столько художественной литературы, сколько оно выпустило в 1936 г., — сказал в беседе с нашим корреспондентом Т. Семенович. — В плане текущего года 925 названий (общий тиражом — 85 млн. листов-оттисков); из них 152 названия (тиражом в 13 млн. листов-оттисков) запланировано по разделу художественной литературы (тираж плана художественной литературы прошлого года — 4,5 млн. листов-оттисков). Если же учесть беллетристику, выпускаемую на еврейском, польском, литовском языках, а также издания для детей, то раздел художественной литературы составит чуть ли не половину всего плана издательства.

Что же мы дали нашему читателю в 1936 г.?

20 новых книг белорусских писателей выйдут по разделу советской прозы. Среди них повесть Платона Галавача «Носители невинности», роман о белорусском крестьянстве Эдуарда Самуиленка «Гибель вода», книга о контрреволюционной деятельности белорусских наемников Пинки Гартного, роман о пограничниках «Большевики границы» Ивана Шаповалова, сборник рассказов и новелл роман одного из крупнейших писателей республики К. Чорного, роман об Октябрьской революции Эм. Вядуля «Где была земля», повесть писателя Являнского вторым томом задуманной им трилогии о белорусской интеллигенции. Первый том трилогии — «Фронт приближается» — уже издан, исторический роман М. Заремского, сборник рассказов В. Ковалева, повесть «Липень» Б. Миклухича и др.

Писательская бригада, сформированная в 1935 г. в Грузии, притоготила сборник об орденской республике.

По разделу поэзии издательство наметило издать новые книги стихов и прозы Янки Купалы, А. Александровича, Я. Коласа, П. Бровка, М. Хведаровича, П. Глеба, В. Халды и др.

На перевалы следует отметить повесть Якуба Коласа «Трагедия», роман Бориса Миклухича «Мощь», Платона Галавача «Оковы года», Эм. Вядуля «Фронт приближается» и К. Чорного «Родина».

Продолжается издание полных собраниях сочинений крупнейших писателей БССР. В этом году выйдут третий том собрания произведений Микасы Чарота (в книге собраны рассказы поэта), второй том Эм. Вядуля (переводы поэмы и проза), второй том Коприата Кравича и третьим том избранных произведений Янки Купалы и Якуба Коласа.

Чрезвычайно разнообразна и обширна план издания переводной литературы. В нем представлены все наиболее крупные прозаики и поэты РСФСР, Украины, Грузии, Армении и других республик Союза.

Русская советская литература представлена именами М. Шолохова (третья книга «Тихого Дона» и вторая часть «Поднятая целина»), Ал. Толстого (две части «Петра I»), В. Иванова («Бронепоезд»), Л. Леонова («Дорога на океан»), И. Бабеля («Юнкерия»), Н. Островского («Как закалялась сталь»).

20 печатных листов мы зарезервировали для выпуска двух сборников произведений Маяковского в переводах лучших наших поэтов — П. Бровка, В. Халды, П. Глеба и др.

В результате обмена писательскими бригадами летом 1935 г. между Белоруссией и Грузией установилась крепкая творческая связь, которая нашла свое отражение в новом издательском плане. Издательство предполагает издать «Дорогу кукурузную республику» К. Лордкипанидзе, «Липом к лицу» А. Кутателли, книгу рассказов Михаила Джавахишвили, исторический роман Ш. Дадияни, сборник стихов И. Мосашвили, книгу статей о грузинской литературе В. Буачидзе.

Из произведений украинской литературы выйдут избранные книги Ивана Ефрема, Ивана Миклухича, одного из крупнейших писателей Украины Платона Тычина, «Всадники» Юрия Яновского. В переводе Янки Купалы выйдут избранные стихотворения Тараса Шевченко.

На белорусском языке выйдут книги еврейских писателей И. Харика, Аксельрода, Долгополова, Станке и Вл. Ковальский представляют польскую литературу.

Особое стоит в плане издание 22-томного собрания сочинения А. М. Горького. Для нас это издание — огромное дело. Мы уделяем ему

исключительное внимание. К работе над переводом и редактированием произведений крупнейшего современного мастера художественного слова привлечены виднейшие писатели Белоруссии — Платон Галавач, Эм. Вядуля, Ягуб Колас, П. Глеба, Я. Скрыган, А. Сарциня, П. Шолохов, В. Халды и др. В 1936 г. выйдут 7 томов.

Столетие со дня смерти А. С. Пушкина издательство отмечает изданием тома избранных произведений поэта. Отдельными книжками выйдут «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка».

Решая 1936 г. отличается от планов прошлых лет не только своими размерами, но и тем, что в нем широко расширен раздел переводной классики и современной иностранной литературы. В текущем году выйдут: «Книга о Сталине» и «Огонь» Анри Барбюса, «Жизнь Брестской крепости» Романа Роллана, сборник стихотворений Гейне, книга стихов Аламы Мишкевича, «Фауст» Гете, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Илиада» Гомера, «Земля» Перл Бак, «Годы презрения» Мэлрой и др.

По разделу критики будут изданы одноименные избранные произведения И. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, сборник статей об искусстве Г. В. Плеханова, книги критических статей о белорусской литературе и театре и др.

Конечно, сказанное далеко не охватывает всего содержания плана. Он значительно шире. Названо только наиболее интересное. Но уже и то, что дано здесь, свидетельствует о громадном росте белорусской литературы, о колоссальном культурном запросе читателей масс Белоруссии, о той большой работе, которая нам предстоит в 1936 г.

МОСКВА (наш корр.) Шесть границ переосмыслили советские поэты во время своей заграничной командировки.

— И едва мы перешагнули советский рубеж, как сразу же попали в другой мир, — так начал свой рассказ на входе в Политическом музее А. Безмясников. — Первое, что мы увидели в Варшаве, были рабытские окна еврейских магазинов, первый человек, который понадеялся на нас, встретил, был забитый после избития старшей еврейки. Так Варшава показала нам лицо фашистской цивилизации.

Печать материальной и культурной нищеты жила в Польше. А Безмясников вспоминает о встрече с польскими поэтами. Когда он спросил одного из крупнейших польских поэтов: — В какой музей нам пойти, то получил ответ: — Боже! кто ходит в Варшаву в музей, то в них интереснее! — Ну, а в театр? — Бресте, в театры тоже ходить не стоит. — Наконец, что же прочесть? — В Польше издают только одну прессу.

Польские поэты печатаются редко. Тиражи не подпадают. Авторы получают проценты с распространения тиража. Талантливейший поэт Тувим (переводчик Пушкина), чтобы избежать голода, пишет образные песни для кабаре. Поэты не знают друг друга, не знают своих читателей и если выступают, то только в кафе.

— Мне кажется, что польские поэты не поверили нашим рассказам о положении писателя в Советской стране, — говорит А. Безмясников, — один уже факт творческой командировки за границу четырех поэтов поразила их.

— После Варшавы — Чехословакия. Везде в этой маленькой германской стране нас сопровождали исключительное внимание и любовь.

— После Варшавы — Чехословакия. Везде в этой маленькой германской стране нас сопровождали исключительное внимание и любовь.

А. Безмясников рассказывает о Праге, о приемах в честь советских поэтов, о выступлениях, о теплых встречах с такими талантливыми поэтами, как Незвал, Гола, Бибих, Себер.

Выступая в Праге перед пятидесяти аудиторией, кто-то из нас сказал: СССР исключительно мирная страна и потому так много у наших поэтов военных песен.

Громовой овацией овладели аудитория на эти слова. Такую овацию в честь Красной армии, стоящей на страже мира, устроили друзья, живущие в стране, окруженной со всех сторон воинственными фашистскими государствами.

Об Австрии и Франции на вечер рассказывал С. Кирсанов. — Вена, — говорит он, — мертвый город, в нем больше статуй, чем прохожих. По дороге в Париж, в поезде, наши поэты прочли в чер-

ШЕСТЬ ГРАНИЦ

носовой французской газете «Эво де Пари» статья некоего Каркина. Фашистский писак советского поэта не ехал в Париж, ибо с французской поэзией они могут познакомиться у себя в Москве, а советской поэзии Париж не интересен.

— Фашистская газета ошиблась! Мы встретились с крупнейшими французскими писателями и поэтами — Андре Жидом, Монтгальмом, Арагоном, Жан Ришар Блоком, Лик Дортомом, Вильдромом, Тросталом, Зара, Юнквом и многими другими. Интересно к нашим стихам, к тематике нашей поэзии, к нашей теме.

Большое впечатление на советского поэта произвело знакомство с художником Пикассо. Мастер радостно принял их, расспрашивал о Москве, показав много новых работ. В беседе с советскими поэтами Пикассо, очень дружелюбно настроенный по отношению к нашей стране, изъявил желание посетить Советский союз.

— Советское правительство посылает инженеров учиться в Америку, — сказал Пикассо, — почему не пригласить в Париж советских художников?

— Поездка, — говорит С. Кирсанов, — убедила нас в том, что Валда очень интересуется советской поэзией.

Впечатлениями о Лондоне и Германии поделился на вечер И. Сельвинский. Его остроумные наблюдения, характеризующие буржуазные традиции в Англии, неоднократно вызвали веселый смех слушателей.

— Вся Германия бряцает оружием, — говорит он.

Поездка дала нам очень много. Мы укрепили связи с близкими и нам писателями и поэтами. Но самое сильное впечатление от поездки за границу это — советский пограничный столб.

Вечер в Политическом музее, на котором присутствовал чехословацкий поэт в Москве в. Боткош Панду, закончился чтением стихов, в которых поэты выступили за границы.

Г. Г.

МОСКВА (наш корр.). Шесть границ переосмыслили советские поэты во время своей заграничной командировки.

— И едва мы перешагнули советский рубеж, как сразу же попали в другой мир, — так начал свой рассказ на входе в Политическом музее А. Безмясников. — Первое, что мы увидели в Варшаве, были рабытские окна еврейских магазинов, первый человек, который понадеялся на нас, встретил, был забитый после избития старшей еврейки. Так Варшава показала нам лицо фашистской цивилизации.

Печать материальной и культурной нищеты жила в Польше. А Безмясников вспоминает о встрече с польскими поэтами. Когда он спросил одного из крупнейших польских поэтов: — В какой музей нам пойти, то получил ответ: — Боже! кто ходит в Варшаву в музей, то в них интереснее! — Ну, а в театр? — Бресте, в театры тоже ходить не стоит. — Наконец, что же прочесть? — В Польше издают только одну прессу.

Польские поэты печатаются редко. Тиражи не подпадают. Авторы получают проценты с распространения тиража. Талантливейший поэт Тувим (переводчик Пушкина), чтобы избежать голода, пишет образные песни для кабаре. Поэты не знают друг друга, не знают своих читателей и если выступают, то только в кафе.

— Мне кажется, что польские поэты не поверили нашим рассказам о положении писателя в Советской стране, — говорит А. Безмясников, — один уже факт творческой командировки за границу четырех поэтов поразила их.

— После Варшавы — Чехословакия. Везде в этой маленькой германской стране нас сопровождали исключительное внимание и любовь.

— После Варшавы — Чехословакия. Везде в этой маленькой германской стране нас сопровождали исключительное внимание и любовь.

А. Безмясников рассказывает о Праге, о приемах в честь советских поэтов, о выступлениях, о теплых встречах с такими талантливыми поэтами, как Незвал, Гола, Бибих, Себер.

Выступая в Праге перед пятидесяти аудиторией, кто-то из нас сказал: СССР исключительно мирная страна и потому так много у наших поэтов военных песен.

Громовой овацией овладели аудитория на эти слова. Такую овацию в честь Красной армии, стоящей на страже мира, устроили друзья, живущие в стране, окруженной со всех сторон воинственными фашистскими государствами.

Об Австрии и Франции на вечер рассказывал С. Кирсанов. — Вена, — говорит он, — мертвый город, в нем больше статуй, чем прохожих. По дороге в Париж, в поезде, наши поэты прочли в чер-

У писателей Белоруссии

III пленум правления ССП СССР рассудит белорусских писателей в работе творческой работы. В отчетах прозаиков, драматургов и поэтов лежат уже законченные вещи, над многими произведениями писатели работают.

Народный поэт Якуб Колас заново перерабатывает свою повесть «Война» и заканчивает повесть об империалистической и гражданской войне — «На пути свободы». Поэт работает над этой повестью с 1926 г. Кроме того, Колас пишет цикл стихов. В перепечатке — большая работа о рождении нового человека и социальном труде.

Эту повесть Колас хочет написать на материале отрывка отрывка «Залог пятилетия», выросшего среди болот и непроходимых топей.

Две темы волнуют народного поэта республики Янку Купалу. О родке и о вдохновенной работе стахановцев, о новом отношении к труду хочет написать поэт.

А. Александрович составляет сборник стихов «От весны до весны», в который войдут неопубликованные стихотворения 1932-35 гг., и продолжает работать над повестью «Соловей» о белорусском геро-партизане.

Эм. Вядуля написал на основе своей повести «Соловей» классический и заканчивает повесть для первого белорусского государственного театра. Успешно, по словам самого автора, подготавливает работу над романом об Октябрь в Белоруссии.

А. Зябка работает над обзором новых стихов и готовит к 20-летию Октябрь книгу «История белорусской драмы».

Для Б. Миклухича текущий год является годом осуществления задуманных творческих замыслов. Писатель пишет повесть о новых взаимоотношениях между людьми, о комсомольской среде и ее чужаках. Кроме того, писатель работает над повестью о бесстрашных комсомольцах-пилотах и парашютистах.

Значительное место в производственных планах писателей занимает работа над произведениями к 20-летию великой Октябрьской революции.

Пятро Глеба пишет повесть о революционном движении в Западной Белоруссии; роман «Дорога в мир» закончит к знаменательной годовщине Платон Галавач. Большую повесть о партизанском движении в годы белорусской оккупации пишет Абрам Кипелов. Темой повести является 20-летие советской «звезды» поэмы Петруся Бровка набрал эпизод из периода белорусской оккупации. Отвержено поэт переводит повесть Маяковского «Владимир Ильич Ленин», произведение грузинских поэтов и стихи П. Глеба. Партизанскому трилогии посвящена книга Я. Скрыган. Сейчас писатель собирает материал для повести о первом «Белом РСДРП». К Чорный пишет роман о молодой советской интеллигенции. К. Кривина готовит второй том своих стихов и работает над повестью. Перерабатывает для первого гос. белорусского театра музыкальную комедию «На купале» М. Чарот. Заключенные детали искусства Г. Кобен и А. Вольный пишут сценарий на тему гражданской войны. Пьесу об Октябре в Белоруссии готовит И. Бурский. Автор «Междубурья» Дм. Курдин работает над обзором пьесой — «Тревожная ночь».

Творческий подъем переживает еврейская литература Белоруссии. И. Харик пишет драматическую повесть о гражданской войне. В. Аксельрод — повесть о молодежи. М. Кудыба — повесть о Виробничем, Л. Калюня — роман о провинциальном городе в годы империалистической войны и революции. Ц. Долгополов — роман, воспринятый существующими еврейскими буржуазными кругами. Над большими поэмами работает М. Тейф и Г. Каменецкий.

МОСКВА (наш корр.) Вчера в Минск на пленум выехали специальным поездом москвички, Ленинградская и башкирская делегация писателей в количестве 160 человек. Всего в работах пленума будут участвовать 250 делегатов.

В Минск выехали из Москвы ответственные секретари ССП СССР Т. А. Шерокова и В. Ставский, писатели А. Афиногенов, В. Харин, Н. Асеев, В. Бахметьев, А. Безмясников, В. Вишневский, В. Ильяш, В. Катаев, В. Кирпичников, А. Караванов, И. Липунов, А. Новиков-Прибой, Б. Пастернак, В. Пильняк, Н. Погодин, председатель ЦС Осоавиахим Р. Эйдемани и другие.

Из Ленинграда едут Н. Тихонов, А. Прокофьев, Б. Корнилов, В. Шанков, К. Федик.

В составе башкирской делегации — председатель ССП Башкирии и председатель ЦК ВЛКСМ Абрам Таиров и писатели Итемгулов, Давытшина и др.

АМЕРИКАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

У Оттава Мирбо есть книга «999». Путешествие в автомобиле. Это — путевые заметки писателя о поездке в автомобиле, подаренном ему в целях рекламы автомобильной фирмы Шарон. Мирбо выполнил обязательство перед фирмой: талантливые описанные поездки и комические эпизоды переделываются в вдохновенных страницах Шарон. Тем не менее этот факт послужил Мирбо поводом не только совершить приятное путешествие, но и написать интереснейшую книгу. Спешит на творческой биографии Оттава Мирбо пришел ему на память в связи с рассказом Ильфа и Петрова о том, что громадную часть своего путешествия — по Северной Америке они совершили на автомобиле. В своем рассказе они то и дело садились попавшихся им пешеходов. Детские случайные общительные оптимизм, доверчиво и охотно рассказывали о себе, о своей жизни, о своей семье, своей работе. Но в то же время они оставались вполне равнодушными к происхождению, социальному положению и даже национальности обладателей машин.

— Ни один из них не спросил у нас, кто мы такие, на каком языке говорим. Эти люди лишены какого бы то ни было любопытства ко всему, что не касается их самих.

За четыре с половиной месяца жизни в Америке Ильф и Петров побывали в крупнейших городах

США, встречались с интереснейшими людьми, среди которых были лучшие писатели Америки.

Дос-Пассоса контакт роман «Большие деньги». Это будет продолжение уже знакомого советскому читателю романа «19 год». По окончании этой работы Дос-Пассоса рассчитывает приехать в СССР. Рис Вильямс пишет книгу о стране советов. Он дважды был в Советском Союзе. Судя по материалам, собранным писателем, можно предположить, что это будет очень интересный материал, получивший характер романа. Эптон Синклер, кажегся, намерен вернуться к литературной деятельности. Он заявил, что больше не будет высказывать своей кандидатуры в губернаторы. Теодор Драйвер сильно пострадал от кино. В свое время он делал одну из крупнейших американских кинофирм «Парамонт» правление индустрии «Американской трагедии», которую должен был поставить Эйзенштейн. Отказ по политическим соображениям фирмы изменил сценарий и трактовку постановки, неваяря ни на какие протесты со стороны Драйвера. Ни в одной из судебных инстанций, куда обращался писатель, он не встретил поддержки: авторское право в Америке отстаивается менее рьяно, чем интерес фирм. Эрнст Хемингуэй во время пребывания Ильфа и Петрова в Нью-Йорке также был там. Он приехал по делам. Обычно он живет на са-

мом юге Америки, пишет книги и ловит рыбу.

— Работают американские писатели много, — продолжает свой рассказ Петров. — Едва окончат одну книгу, начинают другую. Иначе им нечем жить. Они не забывают тиражами и переизданиями.

Большим успехом пользуется сейчас в Америке книга Брайфа «Европа». Это — первое его произведение, хотя Брайф уже полюбил человек. Вторая его книга будет посвящена Советскому союзу, который он недавно посетил.

Из советской литературы в Америке больше всего известны произведения М. Шолохова. Хорошую прессу имела так «Поднятая целина». Недавно появились в продаже перевод романа Во. Иванова «Подхождения факра». Вообще же надо признать, что советская литература мало известна в Америке. Его интересуют главным образом в эмигрантских кругах радикальной и революционной интеллигенции. Аmericанцы, впрочем, вообще мало интересуются литературой. Они читают больше всего журналы так называемые «чужие», читают в вагонах в дороге, чтобы заполнить несколько минут свободных минут. Иначе не встретил поддержки: авторское право в Америке отстаивается менее рьяно, чем интерес фирм. Эрнст Хемингуэй во время пребывания Ильфа и Петрова в Нью-Йорке также был там. Он приехал по делам. Обычно он живет на са-

КНИГИ В ГРАНАХ

* Институт русской литературы Академии наук издает сборник материалов и исследований об И. С. Тургеневе. Книга содержит новые тексты произведений писателя. В их числе: рецензия на перевод «Женщины комедии» Данте, сборник «Вечеринка», предисловие и стихотворения Ф. И. Тютчева и др. Из неопубликованной переписки Тургенева в сборнике помещены письма писателя к С. А. Тургеневу, Н. М. Бронкиной, кн. Е. А. Черкасской и кн. В. М. Черкасской.

Чрезвычайно интересны включенные в книгу воспоминания К. Модзалевского о встрече с Тургеневым и статьи семидесяти Е. Шенников — «Героиня романа «Накануне»», в сборнике печатаются работы: М. К. Клемяна «Программа «Записок охотника», В. В. Гиппиуса — «Работа Тургенева над повестью «Перепелка» и др.

Книга — объем ее 40 п. л. — выходит под редакцией М. К. Клемяна, Ю. Г. Оксаяна и Н. К. Пискарева.

* Избранные стихи и песни С. Скятальца выйдут в Гослитиздате. Сборник охватывает творчество Скятальца с 1898 г. по 1921 г. В книге помещены широко известные творческие песни Скятальца — «Прощальное слово», «Ты скажи», «Оборотень молодой» и большая поэма «Волжская легенда».

* Издательство Всесоюзной выпускает монографию о заслуженном лауреате искусств К. Ф. Юрие и автобиографию заслуженной деятель искусств И. В. Грабаря и П. П. Кончаловского. Там же выходит большая работа А. В. Вакулинского о скульпторе В. М. Домогарове.

* Северное краевое издательство в Архангельске издает серию брошюр «Стахановцы Севера о своей работе». Авторы брошюр — сами стахановцы. Каждый из них рассказывает об опыте своей работы, о том, как он добился высокой производительности труда. Уже вышли из печати: «Мой рейс» — тракториста-стахановца М. Белова и «Как я использую лупочку пилу» — бригадир лесопункта Г. Фомина. На следующий из печати: «На повешенных скоростях» — Н. Кашинина, «Как я работаю на обском станке» — В. Буноковского и «Школа Мусьянского» — Ф. Фелерова.

* Мордвин выпускает на мордовском языке сказки Андерсена в переводе В. Сафонова.

НОВЫЕ КНИГИ

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М. Горький. Избранные сочинения в 6 томах. Издание 2-е. Том V. Дядя Артамоновых. 330 стр., цена 4 руб. Москва, Гослитиздат.

А. Макаренко. Педагогическая поэма. Части 1 и 2. 509 стр., цена 2 р. Москва, Гослитиздат.

М. Шагинин. Собрание сочинений. 1903-1933. Том IV. Месс-Менд. Части 2 и 3. 412 стр., цена 6 р. 75 к. Москва, Гослитиздат.

Иван Ерошин. Песни Алтая. Сборник избранных песен. Предисловие А. Обломского. Иллюстрации К. Баранова. 106 стр., цена 2 р. 80 к. Новосибирск, Крайтиздат.

А. Шугаев. Доктор Валя. Пьеса в 1-м действии. 20 стр., цена 80 коп. Новосибирск, Краевой дом самодеятельного искусства.

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М. Салтыков-Щадрин. Пошехонская старина. 615 стр., цена 3 р. 30 к. Москва, Гослитиздат.

И. С. Тургенев. Отцы и дети. 223 стр., цена 1 р. 10 к. Москва, Гослитиздат.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Эмиль Золя. Деньги. Перевод с французского М. А. Энгельгарда. 414 стр., цена 1 р. 75 к. Москва, Гослитиздат.

Стендаль. Собрание сочинений. Том VII. О любви. Перевод М. Левинского и П. Губера. Предисловие А. А. Смирнова. 361 стр., цена 5 р. 50 к. Ленинград, Гослитиздат.

Лоренс Стерн. Сентиментальное путешествие. Мемуары. Избранные письма. Перевод И. Вольной. Редакция, вступ. статья и комментарии С. Р. Бабуха. 213 стр., цена 3 р. 75 коп. Москва, Гослитиздат.

Ж. Жюно. Песнь земли. Роман. Перевод с французского Н. Соборного. Предисловие Ив. Анисимова. 223 стр., цена 3 р. 75 коп. Москва, Гослитиздат.

Р. Лардер. Новеллы. Перевод с английского. Редакция и предисловие М. Левина. 134 стр., цена 2 р. 30 коп. Москва, Гослитиздат.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Рукомя Пушкина. Неопубликованные рукописи, написанные в печати и комментарии М. А. Пявлюковича, Л. Б. Модзалевской и Г. А. Зенгер. 926 стр., 26 вкладных листов иллюстраций и факсимиле, цена 35 руб. Москва-Ленинград, Академия.

А. Гурвич. Три драматурга: Полин, Огста, Киршон. Критические очерки. 264 стр., цена 4 руб. Москва, Гослитиздат.

ПРИЕЗД УКРАИНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Вчера из Киева в Минск прибыла делегация украинских писателей в составе А. Селенко, П. Гринько, Л. Кавыкович, Л. Перомая, С. Кирсанов, И. Кирпичников, И. Фелера, Н. Ушакова, М. Бажана, М. Рылаковского, П. Пача, Д. Гофштейна и др. Вместе с украинскими писателями приехали участвовавшие на всесоюзном поэтическом совещании поэты Грузии С. Чиковани и Т. Табидзе.

ПАМЯТИ Н. ДОБРОЛЮБОВА

Добролюбов высоко ценит Марко и Энгельса. Марк читал его в поллиннике и сравнивал с Лессингом и Дидро. Энгельс в письме к русской эмигрантке Паприк писала: «Мне кажется, что вы несправедливо к нашим соотечественникам. Мы оба, Марк и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если была и есть различная близкая, то с другой стороны, была и критическая мысль, и самостоятельные искания чистой теории, достойные и Чернышевского».

Один из великов русских мысли — Чернышевский считал его своим ближайшим другом. Замечательные строки, полные любви и уважения посвятил ему Ленин.

Ныне память Добролюбова чествуется вся наша страна.

— Празднование Добролюбовского юбилея в Советской стране, — говорит в своем вступительном слове на торжественном заседании в Колонном зале председатель юбилейного комитета А. С. Буново, — бесчисленные отклики, которые мы

получаем в связи с этим юбилеем, со всех концов великого Союза, свидетельствуют о том, что в нашей стране растет любовь к писателю, когда в последние сулорах летится, востановит и влещет фашизм.

О трагическом жизненном пути великого борца, о его литературном наследии, сохраняющем для нас все свое актуальное, помогающее нам оттачивать революционно-критическую мысль, рассказывают в своих докладах В. Лебедев-Полнинский и В. Миротин. О том, чем был Добролюбов для лучших представителей старой интеллигенции, рассказавала акад. демика Номаров, выступавший от имени Академии наук СССР. О роли Добролюбова в нашей современности говорил писатель П. Павленко.

В концерте, состоявшемся после торжественного заседания, участвовали В. Началов, прочитавший знаменитое стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю», В. Яхонтов, исполнивший стихи Добролюбова «На смерть Николая I» и отрывок из «Темного царства», артистка Масанитинова, Еленин-Тамарина, Златогорова и др.

ВЕЧЕР ДМ. ПЕТРОВСКОГО

Большой поэты очень часто становятся жертвами критических атак. Такова и судьба Дм. Петровского. За ним закрепилась репутация поэта «стихийного движения», «партизанской волюнтерности», и т. п. и т. д. Никто из наших критиков не попытался глубже выникнуть в творчество Петровского, разработать особенности его богатейшей поэтической речи. Ни один критик не увидел, наконец, в его поэзии глубочайшее лиризм, составляющее ее основу.

Прав был Д. Мирский, который в своем кратком вступительном слове на вечер Петровского в московском Доме советского писателя (4 февраля) остановился именно на этих элементах поэзии Дм. Петровского. Петровский — один из крупнейших лириков наших дней, органически связанный с поколением Хлебникова и Маяковского

В его лиризм есть и глубокое философское раздумье, и сильная страсть. Никогда еще эти качества не выступали в поэзии Петровского так ярко и убедительно, как в его произведениях последнего периода. Это — знаменательное явление, утверждает Т. Мирский: Петровский, долгое время оставившись вне поля зрения массового читателя, и давний ко-кому основана уверенность, что он как поэт «оживился», именно теперь переживает новую лирическую весну.

Стихи из цикла «В гостях у Лермонтова», прочитанные поэтом, передают радостное опущение этой весны. Жаль, что наши молодые поэты обнаруживают непопулярность такого сильного и яркого мастера, у которого, право же, есть чему поучиться.

Я. Я.